

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

А. Н. Кононов

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРЕЦКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В основе языка, который до провозглашения Турецкой Республики (29 октября 1923 г.) называли языком османским, по имени основателя Османской династии и империи Османа¹, или османско-турецким, а теперь именуют турецким, реже — анатолийско-турецким, Türkçe или Türkiye Türkçesi, лежат языки тюркских племен, в разное время появившихся на территории Малой Азии.

Главенствующим этническим элементом сельджукского войска, разбившего византийскую армию в битве при Малазгирте ~ Манцикерте (26 августа 1071 г.) и основавшего Конийский султанат, предтечу Османской империи, были огузы — коллективный этноним, объединявший 24 тюркских племен. В состав сельджукского войска и, следовательно, в число племен — подданных Конийского султаната кроме огузов входили также тюркские племена: кыпчаки, карлуки, агач-эри, канглы и т. п., которые принадлежали к двум другим группам тюркских языков: кыпчакской и карлукской.

Задолго до проникновения в восточную часть Малой Азии сельджукских армий (XI в.), т. е. «задолго до огузов началась тюркизация Малой Азии. Племена: калач, карлуки, канглы, кыпчаки давно „осваивали“ туземное население страны»². Проникновение тюркских племен в Малую Азию, начавшееся в конце IV в., шло как с востока, так и с запада³.

В Анатолии рано появились различные группы огузов и печенегов, христиан и идолопоклонников, которых Византийская империя переводила из Румелии, чтобы поселить их на своих восточных границах⁴.

В различных местах Анатолии еще до нашествия монголов (середина XIII в.) размещались монгольские племена, несшие при сельджуках пограничную службу; «из исторических источников известно, что тюрко-монгольские племена Samagar, Saykazan, Barımbay, Alagöz играли даже в XIV в. весьма зна-

чительную роль в Центральной Анатолии. Монгольские элементы в массе тюркского большинства легко и быстро тюркизировались»⁵.

Кыпчакско-карлукокие этнические элементы в составе населения Малой Азии, которые, конечно, количественно заметно уступали огузам, получили в дальнейшем поддержку в новых приливах кыпчаков и карлуков. Таких приливов было по крайней мере два: монгольское нашествие на Малую Азию в XIII в. и завоевание Малой Азии Тимуром (Анкарская битва 1402 г.), в составе войск которого были и монголо-тюркские племена Средней и Центральной Азии.

Фонетико-грамматические и лексические элементы трех (огузской, кыпчакской, карлуцкой) групп тюркской семьи языков с преобладанием огузской основы явились базой малоазиатско- или анатолийско-тюркского языка, на которой возник и развился турецкий (османский) письменно-литературный язык.

Г. Вамбери (H. Vámbéry, 1831/1832—1913) в 1901 г. высказал предположение, согласно которому тюрки в Малой Азии появились до IV в., и привел в качестве подтверждения своей гипотезы свидетельства «староосманской» (по его терминологии) лексики и морфологии. На основании этих лексико-морфологических данных Г. Вамбери пришел к важному заключению: «Сами сельджуки, составляющие часть туркмен, как об этом свидетельствуют восточные источники, в диалектном отношении, по-видимому, растворились среди тюркских братьев, которых они там (в Малой Азии) застали, чем *vice versa*, потому что если бы это было не так, то староосманский язык должен был бы обнаруживать большее сходство с современным туркменским, чем с древнетюркским»⁶.

Турецкий филолог М. Мансуроглу (1910—1960)⁷ справедливо полагал, что пришедшие в Анатолию тюрки-сельджуки не являлись представителями старой тюркской культуры; верхние слои этих тюрок по приходе в Анатолию, не имея собственной письменной литературы, вынуждены были взять за образец арабскую и персидскую литературу. Упрочению позиций арабского и персидского языков способствовало также то обстоятельство, что арабский язык у всех мусульман был языком религии, науки, дипломатической переписки, а персидский язык издавна был языком поэзии и канцелярского делопроизводства. «Употребление в качестве письменно-литературного языка не своего, а чужого языка» — это широко распространенное явление, характерное «для эпохи феодализма, эпохи, предшествующей образованию национальных литературных языков»⁸: латинский — в Западной Европе, французский — в Англии, персидский и арабский — в странах «мусульманского» Востока,

древнеболгарский — у южных и восточных славян, немецкий — в Чехии и Прибалтике, классический китайский — в Японии и Корее.

Новое движение из глубин Центральной Азии, известное под названием монгольского нашествия, захватило Русь, Закавказье (1225), Малую Азию (1243), Багдад (1258). Под ударами монголов пал Конийский султанат, распавшийся на ряд враждебных друг другу бейликов. Среди последних к концу XIII в. на западных границах, вблизи Изника (Никеи), обосновалось сильное огузское племя кайы, вождем которого после смерти Тогрул-бека стал его сын Осман-бек, родоначальник Османского эмирата, превратившегося позднее в Османскую империю, которая постепенно распространила свою власть на всю Анатолию, Закавказье, Балканы, Аравию, Абиссинию, Северную Африку, Крым, Северный Кавказ.

В момент зарождения османской государственности (конец XIII — начало XIV в.), которая складывалась, следуя «образу и подобию» Конийского султаната, единого тюркского письменного-литературного языка в Малой Азии не было, как его не было и во время господства здесь малоазиатских Сельджукидов. В диванах Конийского султаната официально-канцелярским языком, равно как и языком «светского» общения и поэзии, был язык персидский. Известна только одна попытка закрепить за тюркским языком положение официального, государственного языка: Караманоглу Мехмед-бей, везир лжесултана Сиявуша (Джимри), вождя повстанцев, захвативших Конию в 1277 г., издал указ, запрещающий употребление в диванах, присутственных местах, во дворце и даже в частной жизни какого-либо другого языка, кроме тюркского; этот указ был подкреплён казнью писцов, носителей традиций персидского делопроизводства⁹. Запрещение пользоваться персидским языком в частной жизни свидетельствует о широком его распространении среди верхних слоев сельджукского общества.

Попытка Караманоглу Мехмед-бея упрочить таким образом положение тюркского языка в официальной жизни Малой Азии не имела (и не могла иметь по причине отсутствия в это время общего малоазиатско-тюркского письменного языка) сколько-нибудь заметного влияния на судьбы тюркского письменного языка.

В этой связи стоит вспомнить положение тюркского письменного языка в «большой» литературе Закавказья в XII в.: Ширваншах Ахсатан I, поручая Низами написать поэму о Лейле и Меджнуне, настоятельно требовал написать ее персидскими стихами, так как:

Нам неприличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык¹⁰.

От времени господства Данышмендидов, правивших в юго-восточной части Малой Азии (1067—1180), не сохранилось ни одного произведения тюркской литературы, написанных в пределах этого государства. «Сказание о Мелике Данышменде», повествующее о днях и делах одного из Данышмендидов, датируется, судя по спискам этого сочинения, XIV—XVI вв.¹¹

Литературные сочинения в Малой Азии, среди тюркоязычных ее обитателей, в конце XIII — начале XIV в. были известны на двух языках: персидском и тюркском. Поэтические произведения, писавшиеся на персидском языке и по персидским поэтическим канонам, обслуживали эстетические запросы двора конийских, позднее — османских султанов.

Крупнейшими представителями персоязычной суфийской поэзии в Малой Азии XIII в. были Джеляледин Руми (1207—1273) и его сын Султан Велед (1226—1312), оказавшие впоследствии значительное влияние на развитие османской поэзии¹². Тюркоязычная литература была представлена поэтами-суфиями и меддахами-рапсодами, которые, обращаясь в гущу простого народа, естественно, должны были с тюрками говорить по-тюркски. Джеляледин Руми¹³, стремясь донести свои морализаторские идеи до «людей базара» (*ehl-i bazar*), т. е. до простого люда, пытался писать стихи на местном тюркском языке, которым владел очень плохо¹⁴.

С той же целью Султан Велед в свои поэтические сочинения «*Ibtida-name*» («Книга начал», 1291), «*Rebab-name*» («Книга ребаба», 1301), «*Intiha-name*» («Книга пределов», или «Диван»), написанные в основном на персидском языке, вставлял большие пассажи на двух самых распространенных языках Малой Азии того времени — на анатолийско-тюркском (всего 367 строк: «*Ibtida-name*» — 76 строк, «*Rebab-name*» — 162, «*Divan*» — 129) и греческом, хотя, по его собственному признанию, сделанному в «Книге ребаба», тюркский язык он знал плохо: *Türkçä bilcä idim bân aîdai-dim sîza/Ciplâri kim tâçridân dâgdi bizâ*¹⁵ 'Если бы я знал тюркский язык, я рассказал бы вам о тайнах, что от бога достались нам'.

Тюркские стихи Султана Веледа вошли в историю тюркоязычной литературы и языкознания под названием «Сельджукские стихи»¹⁶; этим термином обозначалась и подтверждалась принадлежность этих сочинений к памятникам анатолийско-малоазиатско-тюркского языка второй половины XIII в. — времени господства малоазиатских Сельджукидов.

Язык литературных произведений, созданных в Малой Азии в течение XIII—XV вв., следует именовать анатолийско-малоазиатско-тюркским языком. Ряд турецких лингвистов язык этого периода называют *Eski Anadolu Türkçesi* (староанатолийский тюркский язык)¹⁷.

Профессор Стамбульского университета Ф. К. Тимурташ предлагал этот термин употреблять только для тюркского языка сельджукской эпохи (*Selçuk devri Türkçesi*)¹⁸, с чем нельзя согласиться, так как собственно турецкий письменно-литературный язык сложился значительно позднее.

Двум важным вопросам — смене терминов, обозначавших в разные периоды турецкий язык, а также новым путям исследования истории турецкого языка — посвящена статья Ю. Немета¹⁹.

Представителями поэзии XIII — первой половины XIV в. тюркской по языку (сохраняющей отчетливые связи со среднеазиатским тюркским языком), в Малой Азии были Шеййад (Шаййад) Хамза (XIII в.), Ахмед Факих (ум. ок. 1252 г.)²⁰, Ходжа Деххани (XIII в.)²¹.

В XIII—XIV вв., т. е. в период монгольского нашествия и в эпоху Золотой Орды, в силу перемещения больших масс тюркоязычного населения на запад и последовавшего в результате этого смешения племен в письменно-литературной форме тюркского языка также произошло смешение фонетических, грамматических и лексических элементов, характерных для огузских, кыпчакских и карлукских языков. К числу сочинений, написанных на «смешанном» тюркском письменно-литературном языке, относятся: «*Kissa-i Yusuf*» Али²², «*Şerhü-l-menar*», «*Behcetü'l-hadâik*», «*Marzuban-name tercümesi*» и др.²³.

Этот «смешанный» язык характерен и для сочинений, написанных в XIII—XIV вв. в пределах Малой Азии; три последних из перечисленных выше произведений, имеющих самое непосредственное отношение к анатолийским памятникам письменности, представляют собою классический образец этого «смешанного» языка. Один из ранних османских филологов очень метко определил, что подобные сочинения «*olga-bolga ibâretince yazmışlar*»²⁴, т. е. написаны с использованием форм *olga-bolga*, под которыми разумелось смешанное употребление двух характерных для определенных групп тюркских языков вспомогательных глаголов — *ol-/bol-* 'делаться', 'становиться', с которыми, в свою очередь, связано применение определенных грамматических форм.

В конце XIII в. на поэтическом небосклоне Малой Азии вззошли две звезды первой величины, появились два выдающихся поэта-суфия: Юнус Эмре (1240-41 — 1320)²⁵, родившийся в местечке вблизи Сиврихисара (область Болу), автор дидактической поэмы «*Risalat al-Nushiyya*» («Книга благих советов»), и Ашик-паша (1271-72—1332)²⁶, родом из г. Кыршехира, написавший знаменитый суфийский «Стоглав» — «*Garib-name*» («Книга чужака») и ряд других сочинений. Сочинения этих поэтов были написаны на языке, близком к народно-разговор-

ному языку анатолийских (малоазиатских) тюрок, сохранявшему основные фонетико-грамматические признаки среднеазиатско-тюркского языка (см. ниже), который был понятен «людям базара» — основной аудитории поэтов-суфиев.

С другой стороны, даже при желании писать на какой-то другой разновидности письменного тюркского языка, понятной разноплеменным анатолийским тюнкам, они не могли, так как малоазиатского тюркского койне в ту пору не существовало, как его не было и значительно позднее.

Однако эти в большинстве своем малохудожественные стихи явились основой, на которой постепенно стало воздвигаться здание письменно-литературного анатолийско-(малоазиатско-) тюркского языка, предтечи турецкого (османского) литературного языка в двух его разновидностях — письменной и разговорной. По состоянию фактического и исследовательского материала в настоящее время можно восстановить с приблизительной точностью этапы формирования турецкого (османского) письменно-литературного языка, начало сложения которого относится к концу XV — началу XVI в.

На историю сложения письменно-литературного тюркского языка Малой Азии XIII—XIV вв. существенное влияние оказывал целый ряд экстралингвистических факторов, среди которых в первую очередь следует назвать господствующее положение во всей культурной жизни Малой Азии (а позднее в Османской империи) арабского и персидского языков.

Положение тюркского языка в «большой» литературе того времени предельно четко охарактеризовал Ашик-паша, написавший в упомянутой выше поэме следующие полные гнева строки²⁷:

Türk diline kimsene bakmaz idi
Türklerle hergiz gönül akmaz²⁸ idi
Türk dahi bilmez idi ol dilleri
İnce yolu ol ulu menzilleri.

На тюркский язык никто не обращал внимания,
К тюнкам [никто] никогда сердцем не склонялся,
А тюнки не знали тех языков (т. е. арабского
и персидского),
[Тех] изысканных троп, тех великих фигур [арабского
и персидского стихосложения].

С подобными справедливыми ламентациями выступали и другие поэты XIV и XV вв.—Ходжа Мес'уд, Синан-паша, Сарыджа Кемаль и др.²⁹

В XIV — начале XV в. тюркская литература в Малой Азии была представлена рядом крупных поэтов: Ходжа Мес'уд ибн

Ахмед, переводчик на тюркский язык трех персидских сочинений — «Süheyl-ü Nevbahar», «Ferheng-name-i Sa'di», «Kalila ve Dimna»; Шейхоглу Мустафа, автор романтического месневи «Hürşid-name»; Ахмеди, сочинитель великолепной поэмы «İskander-name», и др.³⁰.

Безусловно, крупным поэтом второй половины XIV в., писавшим на тюркском языке, обнаруживающим очевидные связи с азербайджанским языком³¹, был кадий, владетельный эмир и поэт-лирик Бурханеддин Сивасский (1344—1398). По мнению крупного тюрколога А. Дильчара, в языке «Дивана» Бурханеддина Сивасского, а равно и в «Книге деда моего Коркута» едва ли возможно увидеть особенности, присущие азербайджанскому языку, так как в это время нельзя было провести четкой грани между западногузскими и азербайджанскими диалектами³².

В течение XIII—XV вв. анатолийско-(малоазиатско-)письменный тюркский язык в своей графике базировался на практике старотюркского письма, что выражалось в стремлении наиболее полно обозначать гласные, а также писать форманты отдельно от основы; в области фонетики и морфологии произведения поэтов этого периода обнаруживают отчетливые и глубокие связи со среднеазиатским тюркским письменно-литературным языком, а через него и с древнетюркским, что может быть иллюстрировано следующими фактами:

- 1) *men* вместо *ben* — личное местоимение;
- 2) *bar-, bir-* вместо *var-, ver-*;
- 3) *-van/-ven, -vam/-vem* — аффиксы сказуемости 1-го л. ед. ч.;
- 4) *-vuz/-vüz* — аффикс сказуемости 1-го л. мн. ч.;
- 5) *bol-* вместо *ol-* 'быть', 'делаться', 'становиться';
- 6) *-ni/-ni* вместо *-i, -i* — аффикс винительного падежа;
- 7) *-gay/-gey, -gasi/-gesi, -isar/-iser* — аффиксы будущего времени;
- 8) *-n* — аффикс орудийного падежа;
- 9) *-din/-din, -dan/-den* — аффиксы исходного падежа;
- 10) *-ra/-re* — аффикс направительного падежа;
- 11) *-kınaj'-kine* — уменьшительно-ласкательный аффикс;
- 12) *-gil/-gil* — аффикс 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения;
- 13) *-uban(in)/-üben(in)* — аффикс деепричастия;
- 14) *-madın/-medin* — аффикс деепричастия;
- 15) *bular, şular, olar* вместо *bunlar, şunlar, onlar*;
- 16) *-siz, -süz* вместо *-sınız* — аффикс сказуемости 2-го л. мн. ч.;
- 17) *-mazız/meziz* вместо *-mayız/-meyiz* — аффикс отрицательной формы настоящего-будущего времени;

18) *-am/-em* вместо *-im*, *-um* — аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч.;

19) *-man/-men* вместо *-mayın/-meyin* — отрицательная форма деепричастия;

20) *-(y)in* вместо *-(y)im* — аффикс сказуемости 1-го л. ед. ч.

21) *-durur/-dürür* наряду с *-dir/-tir* — аффикс сказуемости 3-го л. ед. ч.;

22) *-(y)üb/-(y)üb+dur(ur)/-dür(ür)* — настояще-длительное время, позднее вытесненное другими формами, и в частности формой *-maktadır/-mektedir*;

23) *-(y)ıcağ/- (y)icek* вместо *-(y)ınca/-(y)ince* — аффикс деепричастия;

24) *bigi(n)* наряду с *gibi* — послелог;

25) *bile, birle* вместо *ile* — послелог;

26) *tek, -layın/-leyin* наряду с *gibi, bigi*;

27) *kim* вместо *ki*;

28) *-(y)a/-(y)e* — настояще-будущее время;

29) *-(e)rak/-(i)rek*³³ — аффикс уменьшительности, почти вышедший из употребления в последующее время.

В то же время анатолийско-(малоазиатско-)тюркский письменно-литературный язык XIII—XV вв. имеет свои отличительные фонетико-грамматические особенности, неизвестные среднеазиатскому тюркскому языку. К ним относятся, например: будущее причастие на *-acak/-ecek*, используемое в атрибутивной функции; два примера в «Çağınname»: *var-acak yir* (38); *gel-ecek nesne* (58)³⁴. Эта форма получила развитие (как финитная форма) в XVI—XVII вв. (см. ниже).

В XIV в. в анатолийско-(малоазиатско-)тюркском языке приобретают широкое распространение формы, встречавшиеся в XIII в. лишь спорадически:

1) *-cuk/-çük, -cuğaz/-cüğez* — уменьшительно-ласкательные аффиксы;

2) *-(y)ası/-(y)esi* — аффикс будущего времени;

3) *dağıl/-deçi* — «огузский» аффикс будущего времени;

В словарном запасе литературных памятников XIII—XV вв., написанных в Малой Азии, легко прослеживаются многочисленные пласты слов, общих со среднеазиатскими письменными памятниками³⁵.

Письменный анатолийско-(малоазиатско-)тюркский язык XIII—XV вв. являл собой причудливое сочетание среднеазиатского тюркского языка с огузо-кыпчакско-карлукскими диалектами Малой Азии. Строго выполняя социальный заказ — донести до сознания простого народа свои идеи, поэты-суфии широко пользовались формами народно-разговорной речи. Жанрово-стилистическая направленность их произведений облекалась из-за отсутствия общего письменно-литературного языка в фор-

му наиболее распространенных анатолийских диалектов, территориально близких к Конин, Сивасу и другим крупным городам восточной части Малой Азии.

Для того чтобы составить определенное мнение о состоянии письменно-литературного языка Малой Азии в XIV—XV вв., необходимо ознакомиться также с языком официально-канцелярского делопроизводства, отчетливое представление о котором дает сборник указов, грамот и других официальных документов XIV—XV вв. «Münşaat-i selâtin», подготовленный государственным секретарем Селима II Феридун-беем (ум. в 1583 г.). «Язык сохранившихся в сборнике Феридун-бея грамот времен первых оттоманских правителей, — писал В. Д. Смирнов, — представляет странную смесь персидской речи с турецкою»³⁶. Еще более определенно высказывается о языке этих документов А. Е. Крымский: «...в тех османских грамотах, которые нам сохранены сборником „Мюншаат“ Феридун-бея, персидско-арабский налет толстым-претолстым слоем заслоняет турецкую основу. И вот на этом-то смешанном, гибридном языке развилась и художественная литература при османах, когда они из номадов-воинов постепенно с XIV в. превратились в культурных горожан. Этот искусственный язык грамотеев, где на одно турецкое слово приходится два персидских и три арабских, продолжает оставаться литературной османской речью вплоть до настоящего времени, до XX в. Простому народу грамотейский язык плохо понятен»³⁷.

Этот сложный официально-канцелярский «язык», конечно, не мог быть выработан в течение относительно короткого времени самими турками-османами, а явился непосредственным продолжением традиций сельджукских канцелярий, перенесенных на османскую почву.

Наводнению письменно-литературного языка арабскими и персидскими заимствованиями способствовали также многочисленные переводы с этих языков. Исторические хроники в XIV — начале XV в. писались еще довольно простым языком; но этот вид литературы в силу своей специфичности имел наименьшее распространение и не мог оказать влияния ни на поэтический, ни на официально-канцелярский язык. Устная народная поэзия, бывшая достоянием простого народа; в «большую» литературу не допускалась и влияния на нее не имела.

В XV веке, начавшемся вторжением Тимура в Малую Азию и разгромом турок под Анкарою (1402), положение персоязычной литературы в Османской империи значительно упрочилось. С Тимуром в Малую Азию пришли не только воины, но и поэты, писавшие, конечно, на персидском языке и оказавшие сильное влияние на все дальнейшее развитие османской литературы. Султан Мехмед I Челеби (1042—1421), собиратель турецких зе-

мель после анкарского поражения, покровительствовал персидским поэтам. Усиление и углубление процесса феодализации, обогащение феодальной верхушки общества, резкая социальная дифференциация, особенно проявившаяся во времена Мехмеда II Завоевателя (1451—1481), повлекли за собой усугубление различия между языком масс и языком придворной знати. Литературой считалось только то, что было написано персом и на персидском языке. В этой связи весьма показательна судьба поэта Лаали, который, чтобы попасть на литературные беседы Мехмеда II, вынужден был скрывать свое турецкое происхождение и выдавать себя за перса, а когда обман обнаружился, он был с позором изгнан из дворца. Тогда Лаали написал сатиру, начинающуюся злыми, но правдивыми словами:

Коль хочешь иметь ты почетное место,
То должен арабом быть или же персом³⁸.

После завоевания Константинополя (1453) в связи с консолидацией османского государства на рубеже XV—XVI вв. начинается медленный и многотрудный процесс сложения турецко-османского письменно-литературного языка раннего периода.

«Золотым веком» османской художественной литературы (в ее поэтической форме — *divan edebiyatı*) считают XVI—XVII века — период кульминации могущества Османской империи, который совпадает с периодом кульминации отрыва письменно-литературного языка (во всех его жанровых проявлениях) от народно-разговорного языка³⁹; этот процесс их отдельного существования продолжался до середины XIX в., т. е. весь донациональный период существования турецкого письменно-литературного языка.

В течение XVI—XVII вв. образовалось три уровня социального расслоения турецкого языка: *fasih Türkçe* 'изящный турецкий язык' — язык «классической» литературы (*divan edebiyatı*), понятный узкому кругу эстетов, близко стоявших к непосредственному султанскому окружению и к высшей сановной — светской и духовной — аристократии; *orta Türkçe* 'средний турецкий язык' — язык, понятный образованным горожанам и служилой интеллигенции; *kaba Türkçe* 'грубый турецкий язык' — язык городских низов.

Письменно-литературный язык, обслуживающий носителей «среднего» и отчасти «грубого» уровня турецкого языка, был представлен устными сочинениями жанра «*sazşairleri*»⁴⁰; на народно-разговорном языке этих двух уровней турецкого языка творили меддахи, актеры теневого театра «*kaga göz*» и исполнители уличных представлений «*orta oyunu*».

Крестьяне говорили на территориальных диалектах, которые

по фонетике, грамматике и особенно лексике значительно отличались от этих трех уровней турецкого языка.

«Изящный» турецкий язык состоял из арабских и персидских заимствований, скрепленных турецкими вспомогательными глаголами. Причем заимствовалась не только лексика, но и синтаксические конструкции (например, персидский *изафет*), союзы и т. п. На этой основе в XVI—XVII вв. сложился искусственный арабско-персидско-османский письменно-литературный язык.

Глубокое различие между социальными диалектами проявляется в первую очередь в области лексики. Именно в словарном запасе с наибольшей ясностью, как известно, обнаруживаются классовые, идеологические расхождения. Куртуазный язык султанского окружения новые понятия и слова черпал из арабского и персидского языков.

О народно-разговорном языке горожан и городских низов XVI и последующих веков имеется очень мало сведений (они сохранились отчасти только в записях иностранцев-пленников, путешественников, чиновников и миссионеров: И. Шильтбергер, «Мюльбахский студент», Бартоломей Георгиевич, А. фон Харфф, Ф. Ардженти, П. делла Валле и др.⁴¹). Однако известно, что в конце XV—начале XVI в. наряду с литературой высокого стиля (*divan edebiyati*) и творениями *sazâirleri* существовала «литература для народа», написанная простым языком, близким к языку «певцов саза»: это были героические поэмы (*senk hikâyeleri*), религиозные повести (*dinî menkıbe, menâkirname*), эпические сказы (*destanî hikâye*)⁴², творцами и распространителями которых были дервиши, вынужденные облекать свои идеи в доступную для понимания широких масс форму.

Как протест против все возрастающего разрыва между «классовым жаргоном» султанского двора и народно-разговорным языком простого народа, представленного главным образом «грубым» уровнем турецкого языка, в конце XV—начале XVI в. зарождается движение за «простой турецкий язык» (*Türkî-i basit*).

В этом движении наиболее видными деятелями были Айдынлы Висали (конец XV в.), Татавлалы Махреми (ум. в 1535 г.) и Эдирнели Назми (ум. в 1554 г.?)⁴³. Идеалом Татавлалы Махреми был такой турецкий язык, в котором не только словарный состав был бы турецким, но и все аллегории и сравнения соответствовали бы «вкусам турка и гению турецкого языка».

Эти попытки борьбы за приближение письменно-литературного языка к среднему уровню турецкого языка, как лишенные сколько-нибудь серьезной социально-экономической опоры, были обречены на провал.

Эпоха феодализма, как известно, характеризуется террито-

риальной разобщенностью, замкнутой экономикой и почти полной политической независимостью отдельных частей государственного организма. Эта особенность феодализма проявилась в Малой Азии, в которой долгое время, даже после образования османского государства, существовали мелкие княжества (*beylik*). Вплоть до конца XVIII в. крупные феодалы-деребеи (например, анатолийские деребеи, Чопаноглу, Кара Османоглу и боснийский феодал Омер Пазвандоглу) лишь номинально были подвластны Стамбулу, столице Османской империи.

При таких политических и экономических условиях говорить о каком-то общенародном турецком языке феодальной эпохи, конечно, не приходится. Арабско-персидско-османским письменно-литературным языком пользовались близко стоящие ко двору поэты, писатели, хроникеры. Язык провинциальной феодальной знати сохранял ярко выраженные местные особенности; анатолийскому феодалу язык придворного поэта (если он даже и не писал по-персидски) был почти так же непонятен, как и простому крестьянину.

По мере укрепления власти османов различие между письменно-литературным и народно-разговорным языком все более и более углублялось.

Стамбульский диалект — диалект столицы Османской империи, носителями которого были не только турки-османы, но и другие инациональные подданные султана (греки, армяне, левантийцы, славяне, евреи)⁴⁴, довольно быстро приобрел в лексике (обилие заимствований из языков названных народов) и в фонетике (нарушение закона гармонии гласных: *hangi, hani, kardeş, elma, anne, akçe* и др.) черты отличные от анатолийских диалектов.

Стамбульский диалект, как диалект политического, экономического и культурного центра Османской империи, постепенно превратился в базисный диалект турецкого литературного и позднее — в XIX в. — турецкого национального языка докемалистского периода.

После перенесения столицы в Анкару (1923) стамбульский диалект постепенно утратил свое значение; его место заняли диалекты Центральной Анатолии.

Постепенно происходит закрепление в письменно-литературном языке новых морфологических форм: на рубеже XIV—XV вв. наряду с формантом настояще-будущего времени *-a/-e* все чаще встречается аффикс *-r*. Появление формы настоящего времени данного момента на *-yorur* датируется XV—XVI вв.⁴⁵; в XVII в. отмечается употребление третьей формы настоящего времени — формы на *-makta/-mekte*⁴⁶, получившей, однако, свое особое развитие только в XX в.

В XVI—XVII вв.⁴⁷ форма будущего категорического време-

ни на *-(y)acak/-(y)esek*, первые единичные случаи употребления которой отмечены в XIII—XIV вв., решительно вытесняет из письменного-литературного языка форму *-(y)asi/-(y)esi*, которая, однако, прочно закрепилась в народно-разговорном языке, продолжая в нем существовать и поныне⁴⁸; в это же время выходят из употребления формы будущего на *-isar/-iser, -daçi/-deçi*, характерные для восточногузских письменных памятников.

Эти изменения в морфологическом строе турецкого письменного-литературного языка в XVI—XVII вв. свидетельствуют о постепенном его отрыве от традиций письменного-среднеазиатского тюркского языка и о решительном закреплении влияния западногузского языкового элемента, носителями которого были соплеменники основателя Османского государства.

«Племя кайы, которое явилось ядром будущей империи, явилось, что весьма вероятно, фундаментом, на котором возник османский диалект [Вместе с тем] невозможно отделить это племя от других тюрков, обитавших в это же время на западных границах Анатолии»⁴⁹.

В фонетике современного турецкого литературного языка и его диалектах довольно часто наблюдается такое чередование гласных и согласных⁵⁰, происхождение большей части которых может быть объяснено только исторически обусловленным смешением различных тюркских диалектов, на основе которых возник фонетический строй современного турецкого литературного языка.

Современное распределение по турецким диалектам формантов настоящего времени данного момента является еще одним доказательством их смешанного происхождения: юго-западная и среднеанатолийская группа диалектов имеет форму *-yor*, восточная, северо-восточная и юго-восточная группа — *-yiri-yur*, румелийская группа — *-yer*⁵¹. Первая форма этого аффикса свойственна огузским языкам, вторая и третья — кыпчакско-карлукским; первая восходит к глаголам *yor-ur ~ yör-ür* 'он ходит', вторая и третья — к глагольному имени (причастию) *-gir/-gur, -gar/-ger*.

В XVI—XVII вв. наиболее ярко обозначилась тенденция писать турецкие слова так, чтобы они графически были похожи на слова арабские, т. е. без обозначения гласных, при слитном начертании аффиксов с основами⁵².

Сложившаяся в Малой Азии и Восточной Фракии в конце XV — первой половине XVI в. турецкая этническая общность не имела прочных связей ни в языке, ни в экономике, ни в культуре⁵³. Турецкий язык, как все свое, для турецкой феодальной верхушки не имел никакого значения, даже сам этноним «түрк» довольно скоро — после образования Османского эмирата — по-

лучил значение 'мужлан', 'невежда' и был закреплен за плебсом, а феодальная знать в интересах укрепления своей власти называла себя «османлы», т. е. 'принадлежащие [к дому] Османову'. В середине XIX в. деятели танзимата под именем «Millet-i Osmaniyye» объединяли всех подданных султана, и тем самым якобы «снялись» все национальные и религиозные проблемы⁵⁴.

У турецких крестьян вплоть до недавнего времени не было отчетливо выраженного национального самосознания, для них понятнее и ближе была принадлежность к религиозной — исламской — общине (semaat-i islâm); в романе недавно умершего турецкого писателя Якуба Кадри Караосманоглу «Чужак» («Yaban») приехавший из Стамбула в анатолийскую деревню в начале 20-х годов текущего столетия интеллигент пытался уверить своего собеседника — крестьянина, что тот — турок и получил такой ответ: «Biz Türk değiliz ki, beyim.— Ya nesiniz? — Biz Islâmız, elhamdülillah!»⁵⁵ ('Мы ведь не турки, сударь.— А кто же вы? — Мы мусульмане, хвала Аллаху!').

Необходимыми условиями образования национального языка, под которым следует понимать такой письменно-литературный язык (в грамматически нормализованной форме), который сравнительно близок к разговорному языку господствующего класса, достигая иногда полной с ним унификации, являются разложение и ликвидация феодализма и развитие капитализма.

Образование национальных языков связано с возникновением буржуазного общества. Вместе с образованием наций возникает и национальный язык как общий язык нации, преодолевший феодальную раздробленность поместно-территориальных говоров средневековья. Происходит концентрация диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией⁵⁶.

Названные К. Марксом и Ф. Энгельсом условия, необходимые для образования национального языка, стали возникать в Турции только в 30-х годах XIX в. как результат национально-освободительного движения на Балканах в 1814—1829 гг., как следствие военных реформ и уничтожение янычарского корпуса Махмудом II в 1826 г. Реформы 30-х годов XIX в., разившиеся в продолжении военных реформ, ликвидации военной системы, преобразовании государственной администрации, а также нововведения в области культуры и быта создали необходимые условия для формирования турецкой нации и турецкого национального языка⁵⁷.

Танзимат — реформы 40—50-х годов XIX в.— «был принципиально новым, этапным общественно-политическим явлением в истории Турции. С объективно-исторической точки зрения тан-

зимат отвечал возникшим потребностям буржуазного развития Турции и создавал для него более благоприятные условия»⁵⁸.

Для правильного понимания процесса сложения нации и образования национального языка чрезвычайно важны следующие положения В. И. Ленина. «Во всем мире,— писал В. И. Ленин,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе (разрядка моя.— А. К.). Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»⁵⁹.

В условиях Турции начала XIX в. «языком», закрепленным в литературе, оказался искусственный арабско-персидско-османский гибрид; народно-разговорный язык не имел своей письменно-литературной формы.

Известный лексикограф и литератор Шемсеттин Сами (1850—1904) в конце XIX в. так — гиперболизированно — охарактеризовал османский язык: «*Bu nasıl dildir ki Arap'a söylenen anlamaz, Acem'e söylenen anlamaz, Türk'e söylenen anlamaz*»⁶⁰. («Что это за язык: арабу говоришь — не понимает, персу говоришь — не понимает, турку говоришь — не понимает»).

Нарождающейся турецкой буржуазии пришлось начинать с борьбы за приближение письменно-литературного языка к народно-разговорному языку. Первым таким шагом на пути развития турецкого письменно-литературного языка, приближающегося к народно-разговорному языку, явилась реорганизация народного просвещения: с 1839 г. во вновь учреждаемых школах — *güştiye* — было введено преподавание турецкого языка. До этого времени турецкий язык в турецкой школе не преподавался. В это же время реорганизуются начальные школы, вновь открываются Учительский семинарий (1848), средние школы (1849, 1858), университет (1863), Медицинская школа (1867), Женский учительский семинарий (1870)⁶¹.

Известный деятель танзимата и литератор Решид-паша (1800—1858), «которого можно считать родоначальником новой литературной школы в Турции»⁶², и его преемники на по-

сту великого везира Али-паша (1814—1871) и Фуад-паша (1814—1869) много потрудились, чтобы «выработать легкий, упрощенный литературный язык, доступный пониманию не одних только избранных книжников»⁶³; в своей практической государственной деятельности даже официально-канцелярскому стилю они стремились придать более доходчивый характер⁶⁴, но радикального влияния на дальнейшее развитие официального языка они оказать не смогли: традиции оказались сильнее⁶⁵. Это были первые попытки упрощения языка, первые шаги по пути к концепции, известной позднее под названием «Dilde Türkçülük», входящей составной частью в общую программу турецкого национализма (Türkçülük). Под этим последним термином имелась в виду целая программа, движение за чисто турецкие установления, за противопоставление турецкого османскому, за стремление объединить под турецкой эгидой все тюркское. Борьба за создание турецкого официального и литературного языка, свободного от арабских и персидских лексических и синтаксических заимствований, явилась в этой концепции одной из ее составных частей. Türkçülük — это идеология пантуркизма.

Все турецкое — прежде синоним невежества, деревенщины — теперь в насущных целях нарождающейся буржуазии, в ее борьбе с инациональной буржуазией превращается в знамя, вокруг которого объединялась молодая турецкая буржуазия.

В условиях начинающегося буржуазного развития, в эпоху складывающихся капиталистических отношений, родная старина, язык, бывшие при феодализме в затоне и пренебрежении, теперь ставятся в центр внимания.

В период победы капитализма над феодализмом, в процессе превращения народности в нацию язык народности поднимается на ступень языка национального, а буржуазия только приспособливает его к своим интересам; одной из опор буржуазии в борьбе с уходящим феодализмом является национальный язык. Процесс превращения языка народности в язык нации есть длительный процесс постепенного развития, обогащения и совершенствования языка, длительный процесс отмирания элементов старого качества и накопления элементов нового качества.

Совершенно естественно, что в этих условиях народно-разговорный язык привлекает пристальное внимание, и взоры устремляются в первую очередь к народному творчеству — песням, пословицам и поговоркам. Во главе этого движения за изучение народно-разговорного языка с задачей использования его в своих целях становятся, что совершенно естественно, представители буржуазной интеллигенции — писатели, журналисты, филологи, литературоведы.

Писать литературные произведения языком, близким к разговорному, пытался еще Акиф-паша (1789—1848), не оказавший, однако, почти никакого влияния на дальнейшее развитие языка⁶⁶, так как в ту пору в Турции не было необходимых для этого условий.

В середине XIX в. создается турецкая буржуазная литературная школа: Шинаси, Зия, Намык Кемаль, объявившие борьбу старым литературным направлениям, старому письменно-литературному языку; их идеалом был «чистый турецкий язык» (*saîî tûrkçe*), под которым должен был пониматься турецкий национальный литературный язык.

Во главе этого движения стоял «отец новой османской литературы» Ибрахим Шинаси (ум. в 1871 г.), идеалом которого был такой турецкий письменно-литературный язык, который бы «легко понимался всеми». С этой целью он неустанно изучает народно-разговорный язык, собирает пословицы и поговорки, составляет словарь. Шинаси в борьбе за «чистый турецкий язык» широко использовал первую частную турецкую газету — «*Ter-süman-i ahval*» (1860—1866), в которой он сотрудничал в течение первого года ее существования. В 1861 г. он основал собственную газету «*Tasvir-i efkâr*», в числе сотрудников которой был Намык Кемаль.

Наиболее интересной фигурой среди общественных деятелей и литераторов второй половины XIX в. был Намык Кемаль (1840—1888), много сделавший для развития турецкой литературы, языка и пробуждения мысли в современной ему Турции.

Намык Кемаль боролся против искусственности турецкого письменно-литературного языка, указывая на непонятность его широкому слою населения, на непригодность арабского алфавита для турецкого языка, на нелепость слепого подражания арабским и персидским образцам в литературе при наличии богатейшей сокровищницы турецкого народного творчества. Намык Кемаль, продолжавший сам писать на традиционном османско-персидско-арабском языке, понимая необходимость приближения письменно-литературного языка к его народно-разговорной модификации, наметил конкретные пути создания «чистого турецкого языка» и турецкой по своим формам литературы: «Во-первых, совершенное кодифицирование и разъяснение грамматики турецкого языка; во-вторых, установление границ семантики слов в пределах общепринятого употребления⁶⁷; в-третьих, упорядочение орфографии; в-четвертых, изменение и обновление словосочетаний и манеры изложения мыслей в соответствии с природой языка; в-пятых, освобождение языка от искусственных оборотов, наносящих вред естественной простоте выражения»⁶⁸.

Среди общественных деятелей этого периода весьма значи-

тельную роль в борьбе за «чистый турецкий язык» играл Зия-паша (1825—1880), резко высказывавшийся в своих статьях против подражания иноязычным литературным образцам и призывавший писателей и поэтов широко использовать в своих произведениях образцы турецкого народного творчества. Сам он в своих многочисленных литературных произведениях пользовался сравнительно простым языком.

Мнение Намыка Кемалья о необходимости бороться за упрощение турецкого языка разделяли известные общественные деятели и литераторы того времени — Али Суави, Ахмед Мидхат-паша, Шемсеттин Сами, Муаллим Наджи, Реджаизаде Экрем и др.; ряд газет пропагандировал эти же идеи⁶⁹.

Большинство названных выше литераторов решительно высказывались и за необходимость упорядочения правописания. С докладом на эту тему в Османском научном обществе (1862) выступил председатель общества Мюниф-паша; особое развитие идея необходимости совершенствования алфавита получила в докладе известного азербайджанского ученого и литератора Мирзы Фатхали Ахундова (1812—1878), который он прочитал на заседании названного общества⁷⁰. Реализовать идею замены арабского алфавита латиницей удалось только в 1928 г.

Середина прошлого столетия знаменует собой начало истории современного турецкого языкознания в Турции. В 1851 г. в Стамбуле вышла в литографированном издании первая грамматика турецкого языка — «Kavaid-i Osmaniye» (Правила османского языка); авторы ее Кечиджизаде Мехмед Фуад-эфенди (1815—1868) и Ахмед Джевет-эфенди (1822—1895) при изложении грамматики турецкого языка неукоснительно следовали канонам арабской схоластической грамматики. По их определению, османский язык является «конгломератом, состоящим из трех языков — арабского, персидского и турецкого» (с. 3).

Во второй половине XIX в. в Турции появляется ряд крупных филологов: Ахмед Вефик-паша (1819—1890) — автор объемистого словаря «Lehçe-i Osmanî», сборника пословиц и поговорок и перевода на турецкий известного труда Абу-л-Гази «Родословная тюрок»; Сулейман-паша — военный и литератор, переводчик и автор турецкой грамматики «Sarf-i Türkî», списка «чисто» турецких мужских и женских имен «Esma-i Türkiye», всемирной истории «Tarih-i âlem», пособия по теории литературы и антологии «Mebani ül-inşa» и др.; Шемсеттин Сами — составитель словарей, литератор, автор ряда статей по языку, переводчик⁷¹.

Последнее десятилетие XIX в. как следствие усиления тирании Абдул-Хамида характеризуется почти полным замиранием интеллектуальной жизни в Турции. Значительная часть писа-

телей, стремясь уйти от жизни, пытается найти забвение в «искусстве ради искусства»; не находя ничего радостного во внутренней жизни Турции, они устремляют свои взоры на Запад; они объединились вокруг журнала «Servet-i fünun» («Богатство знаний», осн. в 1891 г.), используя для пропаганды своих идей (западничество) старый язык, который они перегружали арабскими и персидскими заимствованиями. «Большинству произведений этих писателей присущи перегруженность синтаксиса, растянутые, статические описания и сравнения, отягощенные стилию подчас весьма трудными для понимания метафорами и образами. Эти новые по содержанию образы, сравнения, новые понятия (в области социальной, научно-философской, литературной и т. д.) черпались из старого источника — арабского и персидского языков»⁷².

«Серветифюнуновцы» считали, что простой язык нужен для простого народа, они же обращают свои произведения к ограниченному, но просвещенному слою населения. Их деятельность тормозила развитие «чистого турецкого языка», более того, «литературный язык снова ... глубокой пропастью был отделен от разговорного языка»⁷³.

«Серветифюнуновцам» противостояла немногочисленная группа активных пантуркистов: Велед Челеби, Неджиб Асым, Бурсалы Мехмед Тахир, Эмруллах и другие, продолжавшие традиции Шинаси — Кемалья.

В конце XIX в. как результат общего состояния общественной жизни в движении за «чистый турецкий язык» берут верх крайние пуристы, группировавшиеся вокруг печатного органа пантуркистов газеты «İkdam» (осн. в 1893 г.), выдвинувшие лозунг «полного очищения турецкого языка от иноязычных заимствований». Кредо этого крайнего течения выражено в стихотворении Кемальпашазаде Саида:

Arabca istiyen urbana gitsin
Acemce istiyen İrana gitsin
Frengiler Frengistana gitsin
Ki biz Türküz bize türkî gerek⁷⁴

Тот, кто желает арабский язык, пусть идет к арабам,
Тот, кто желает персидский язык, пусть идет в Иран,
[Поклонники] франков пусть идут во Франкские земли,
Мы турки, нам нужен турецкий язык.

Позднее во главе этого движения, известного под названием «Tasfiyecilik»⁷⁵, стоял Раиф Мехмед Фуад, который считал, что все без исключения арабские и персидские заимствования должны быть заменены на соответствующие турецкие⁷⁶, а в случае надобности можно заимствовать слова из других языков тюркской системы, не останавливаясь даже перед искусствен-

ным словотворчеством⁷⁷. «Вместо живого языка они создавали,— по выражению Зия Гёк Алпа,— турецкий эсперанто»⁷⁸.

В конце прошлого столетия в турецкую литературу вступаюг два лица, значение которых для создания «чистого турецкого языка» весьма значительно: прозаик Ахмед Хикмет (1870—1926) и поэт Мехмед Эмин (Юрдакул) (1869—1944).

В литературных произведениях Ахмеда Мидхада, Муаллима Наджи, Самипашаде Сезаи, Ахмеда Хикмета, Мехмеда Эмина, в ученых трудах Ахмеда Вефика, Сюлеймана-паши, Шемсеттина Сами, в журналистике Али Суави, Кемальпашазаде Саида и многих других деятелей литературы и науки общенародный турецкий язык начинает закрепляться в литературе. Этот язык, как и следовало ожидать, был далек от идеала (*safi türkçe*) Ибрахима Шинаси. Но как сама литература (по своей направленности, по стилю, по сюжетам, по техническим приемам), так и язык этой литературы были в корне отличны от литературы и языка предшествующего периода и от языка «серветифюнуновцев».

Особенно остро встала проблема закрепления общенародного турецкого языка в литературе в период младотурецкой революции 1908 г. Стамбульская читающая публика предъявляет журналистам и писателям требование: «Пишите проще! Мы не в состоянии понять того, что вы пишете»⁷⁹.

24 декабря 1908 г. по инициативе Неджиба Асыма и Веледа Челеби создается Научное общество «*Türk derneği*» («Турецкое собрание»), поставившее себе задачей изучение истории, археологии, этнографии, литературы, языков тюркских народов. Вся эта обширная программа осталась благим пожеланием: тогдашняя Турция не располагала ни достаточными кадрами ученых, ни соответствующими условиями⁸⁰.

В литературе этого времени еще живы традиции «*Servet-i fûnûn*», но значение этого литературного объединения и его членов, никогда не имевших массовой аудитории, постепенно идет на убыль. Лишь некоторая эстетствующая часть молодых писателей еще придерживается идей «серветифюнуновцев», продолжает мечтать о «чистом» искусстве. Эти идеи продолжают жить в новом литературном обществе — «*Fecr-i ati*» («Грядущая заря»), возникшем после младотурецкой революции. По форме, духу, языку, стилю, идеологии это быстро распавшееся общество пыталось продолжать программу «*Servet-i fûnûn*».

Организатором и идеологом нового направления в литературе и языке во времена младотурецкой революции стал Зия Гёк Алп (1876—1924), идеолог пантуркизма, видный литератор, член Центрального комитета партии «Единение и прогресс».

Вместо «*Fecr-i ati*», этого далекого от жизни общества, не

отражавшего идеалов и устремлений турецкой буржуазии, в Салониках, где в то время находились руководящие органы партии «Единение и прогресс» и где поэтому жил и Зия Гёк Алп, создается литературная группа, издававшая с 1910 г. свой журнал «Genç kalemler» («Молодые перья»). В основе воззрений этой группы лежали идеи младотурок; в литературе, в языке, в истории они продолжали пантуркистскую линию. Эта группа, объединившая, пожалуй, лучшие литературные силы того времени — Али Джаниба, Омера Сейфеттина, Зии Гёк Алпа, Ака Гюндюза, Орхана Сейфи, Юсуфа Зии, Казима Нами, Эниса Бехича, Рефика Халида и других, — свою основную задачу видела в создании «нового языка» (yeni lisan)⁸¹, в силу чего они вошли в историю литературы под названием «Yeni lisançılar», т. е. борцов за новый язык.

Их языковая программа была проста, они продолжали с новых позиций, в новых условиях линию Шинаси, выраженную в лозунге «За чистый турецкий язык». Для успешной деятельности этой группы почва была подготовлена Ахмедом Хикметом, Мехмедом Эмином и другими, а из их собственной среды вышли настоящие мастера, давшие образцы довольно простого и изящного турецкого языка; это прежде всего Омер Сейфеттин и Рефик Халид в прозе, Али Джаниб и Мехмед Али Тевфик в поэзии. Только теперь после длинного и тяжелого пути — от Решид-паши до Омера Сейфеттина — начинают отчетливо вырисовываться контуры национального турецкого литературного языка, подготовленного всем предшествующим историческим развитием Турции.

Однако среди турецких литераторов того времени не было и не могло быть единодушия во взглядах на судьбы и дальнейшее развитие турецкого письменно-литературного языка⁸².

Последующий период в истории Турции (1912—1923) по известным причинам не благоприятствовал тому, чтобы «контуры» приобрели вид законченного здания.

Совершенно естественно, что национальный турецкий литературный язык в его письменной форме складывался на основе диалекта главного в те времена политического, экономического и культурного центра государства — Стамбула. По свидетельству такого крупного знатока вопроса, каким был Зия Гёк Алп, еще в 1921 г., когда он издал свое программное сочинение «Türkçülüğün esasları», в Стамбуле существовали две формы турецкого языка: 1) İstanbul lehçesi (стамбульский диалект), на котором говорят, но не пишут; 2) Osmanlı lisanı (османский язык), на котором пишут, но не говорят⁸³. В связи с этим автор задает вопрос: «Какой же из этих языков будет нашим национальным языком» (millî lisanımız)? Принять в качестве такового Osmanlı lisanı, по мнению Зия Гёк Алпа, нельзя, так

как «язык, на котором пишут в Стамбуле, не является естественным языком, [это] искусственный язык, вроде эсперанто» («İstanbul'da yazılan lisan tabii bir dil değil, esperanto gibi sun'î bir dildir»⁸⁴). Чтобы «создать» национальный язык, автор рекомендует писать так, как говорят в Стамбуле, взяв за основу произношение образованных стамбульских женщин («...bil-hassa İstanbul hanımlarının konuştukları gibi yazmak»⁸⁵).

В стихотворении «Язык» («Lisan»), датированном 2 апреля 1916 г., Зия Гёк Алп писал:

Güzel dil Türkçe bize,
Başka dil gece bize,
İstanbul konuşması
En saf, en ince bize⁸⁶

Прекраснейший язык для нас язык турецкий,
[Любой] другой язык для нас [темен, как] ночь;
Стамбульский говор
Самый чистый, самый изящный для нас.

Далее, в этом же стихотворении дана программа практических действий, необходимых для разработки нового письменно-литературного языка:

Lisanda sayılır öz
Herkesin bildiği söz;
Ma'nası anlaşılın
Lûgate atmadan göz⁸⁷

Главным в языке считается
Слово, понятное всем, [слово],
Значение которого понятно
Без обращения к словарю.

И далее:

Uydurma söz yapmayız
Yapma yola sarmayız⁸⁸

Мы не будем создавать надуманных слов,
Мы не свернем на путь искусственного
[словотворчества].

Основываясь на высказанных выше программных установках, Зия Гёк Алп, идеолог кемалистского движения, выдвигает в названной выше книге одиннадцать принципов турецкого национализма (Lisanî Türkçülüğün imdeleri) в области языка, которые, по его мнению, должны быть положены в основу создания турецкого национального литературного языка.

1. Для того чтобы создать национальный язык, нужно отбросить османский язык (Osmanlı lisanı), слово его никогда и не было, и, приняв, как он есть, турецкий язык (Türk dili), являющийся основой народной литературы, писать так, как го-

ворят стамбульцы, в особенности как говорят образованные стамбульские женщины.

2. Отбросить арабские и персидские слова, у которых в народном языке есть турецкие синонимы, и сохранить в языке те из них, которые имеют различие хотя бы тончайших оттенков.

3. Преобразованные (в турецком языке) формы арабских и персидских слов, вошедших в народный язык и считающихся ошибочными (с точки зрения их арабского или персидского употребления), признать турецким и в орфографии этих слов придерживаться их нового произношения.

4. Не прибегать к «оживлению» старых, неупотребительных уже турецких слов, так как их место должны занять новые слова.

5. При поисках новых терминов следует обращаться к народному языку; в случае невозможности подыскать термин в народном языке можно создавать новые слова, используя турецкие словообразовательные аффиксы; при отсутствии такой возможности разрешается заимствовать арабские и персидские слова, но не словосочетания; в отдельных случаях разрешается заимствовать специальные слова и технические термины из иностранных (т. е. западноевропейских) языков.

6. Отменяя привилегии арабского и персидского языков, которыми они располагают в турецком языке, не допускать в турецкий язык ни форм, ни аффиксов, ни синтаксических конструкций, заимствованных из этих языков.

7. Все слова, которые известны туркам и употребляются турками, являются турецкими...

8. Так как основой нового турецкого языка признается фонетика, морфология и лексика стамбульского диалекта, из других диалектов не могут заимствоваться ни лексика, ни грамматические формы...

9. По мере того как будут писаться труды по истории тюркской культуры, наименование старых тюркских учреждений и старые тюркские слова должны входить в турецкий язык. Но так как это термины, то не следует вводить их в жизнь и оживлять «окаменевшие» слова.

10. Слова являются не описанием выражаемых ими значений, но их знаками. Значение слова нельзя понять, зная только его морфологическое строение.

11. Опираясь на эти принципы, следует создать словарь и грамматику нового турецкого языка.

Дальнейшее развитие языковой политики кемалистов в силу ряда обстоятельств (острая идеологическая борьба), и в том числе в связи с перенесением столицы в Анкару (ориентация на анатолийские диалекты), пошло более сложным путем, чем предполагал Зия Гёк Алп.

После победы кемалистской революции (1919—1923) в целях политической борьбы особое внимание обращено на развитие собственной национальной культуры, и в первую очередь на развитие языка как на важнейшее средство воздействия на широкие народные массы, как на средство воспитания народа в духе буржуазно-националистической идеологии. С этой целью кемалисты проводят ряд мероприятий большого политического значения, инициатором, руководителем и пропагандистом которых был Кемаль Ататюрк.

Крупнейшим из этих мероприятий, проведенных в Турции, под непосредственным влиянием опыта тюркоязычных республик СССР, является замена в 1928 г. арабского алфавита латиницей⁸⁹.

Наряду с введением латиницы провозглашается борьба за демократизацию языка, т. е. за приближение его к народно-разговорному языку. В связи с перенесением политического центра страны в сердце Анатолии, в Анкару, стамбульское, несколько манерное произношение начинает вытесняться «демократическим», анкарским произношением, которое постоянно вырабатывалось на базе ближайших к Анкаре анатолийских диалектов.

Грамматические формы, которые еще недавно считались вулгарными, под влиянием народно-разговорного языка вводятся в письменно-литературный язык (ср., например, формы типа: *başlayor ~ başliyor*). Проводники новой идеологии вопреки мнению Зия Гёк Алпа заявляют: «...и Стамбулу есть чему поучиться» (у Анатолии).

Следующим этапом языкового строительства в Турции является создание в 1932 г. Турецкого лингвистического общества («Türk dil kurumu», носившего до 1936 г. название «Türk dili tetkik cemiyeti»⁹⁰).

Дальнейшее развитие языка в связи с общей политикой правящих кругов пошло по узконационалистическому пути. Выражением националистических устремлений кемалистов явилась такая языковая политика, которая повлекла за собой проявление крайнего пуризма, выразившегося в стремлении очистить турецкий литературный язык от всех арабских и персидских заимствований. История, как известно, повторяется, каждый раз, однако, в новом качестве. Когда пурификация, принявшая характер поголовного изгнания арабских и персидских заимствований из турецкого языка, зашла в тупик (1936 г.), для спасения идеи была призвана импортированная из Западной Европы «Güneş-Dil teorisi» (Солнечная лингвистическая теория), на основании которой все заимствования объявлялись тюркскими по своему происхождению⁹¹.

После смерти Кемаль Ататюрка (10 ноября 1938 г.), вдохно-

вителя и непосредственного руководителя всей работы в области лингвистической и исторической науки в Турции, очищение турецкого языка становится более умеренным.

Новая лексика, разрабатываемая и вводимая в повседневную языковую практику (через школы, печать, радио, телевидение) усилиями членов «Турецкого лингвистического общества», хотя и встречает решительное возражение некоторой части турецкой интеллигенции, тем не менее основательно закрепляется в письменно-литературном языке.

Изменения в структуре современного национального турецкого литературного языка коснулись не только лексики, которая заметно пополнилась неологизмами, частью за счет диалектной лексики, частью за счет создания искусственным путем новых слов, частью за счет «оживления» старых слов, нередко заимствуемых из памятников тюркской письменности. Инвентарь морфологических средств словообразования современного турецкого литературного языка пополнился старыми, давно уже непродуктивными аффиксами, получившими «вторую жизнь»; к ним, например, относятся: *-l*, *-s-l*⁹²; *-gil*; *-man/-mcn*, *-t*; *-nt-*, *-v*, *-y*, *-ç* и др.⁹³

В турецком литературном языке последних трех десятилетий под воздействием народно-разговорного языка наблюдается тенденция к замене аналитических форм глагола, образуемых с помощью *etmek*, *olmak*, формами синтетическими, образуемыми с помощью аффиксов *-la/-le*, *-lan/-len*, *-laş/-leş*⁹⁴.

Одним из ярких примеров проникновения диалектальных форм в литературный язык является субстантивное употребление причастия на *-(y)an/-(y)en*: *on yıl bitende* (A. Nesin) 'Когда прошло десять лет...'; *Kapıların/bağlı kollarını açana kadar* (N. Hikmet) '[До тех пор] пока не откроются [настежь] связанные руки [створки] дверей'⁹⁵; *Bu sözü söyleyene dek...* (A. Nesin) 'До того как он произнес эти слова...'; *Gece bitti ... Tan yelleri esende...* (С. А. Kansı) 'Ночь кончилась... Когда подул ветер раннего утра...'

В синтаксисе современного турецкого литературного языка влияние народно-разговорного языка наиболее ярко проявляется в широком распространении (за последние примерно 40 лет) «Devrik cümle» (инверсированных предложений)⁹⁶, а также в разрушении конструкции изафета: *Sinasi sokak*, *Anadolu sigorta*, *Pamukbank* (ср. *Ziraat Bankası*), *toplumbilim*, *dilbilim*, *anlambilim* и др.⁹⁷.

На основании изложенного выше можно предложить следующую периодизацию основных этапов формирования турецкого письменно-литературного языка.

В процессе сложения, формирования и развития турецкого языка отчетливо выделяются два базисных периода:

I. Предыстория турецкого языка;

II. История турецкого языка⁹⁸.

I. Предыстория турецкого письменно-литературного языка хронологически четко определяется и документируется литературными памятниками, созданными в Малой Азии в течение XIII—XV вв., а потому письменный язык этого периода следует именовать, как сказано выше, анатолийско- (малоазиатско-) тюркским языком.

Анатолийско- (малоазиатско-) тюркский язык (XIII—XV вв.) — предшественник и основа турецкого языка — развивался в традициях среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка в сочетании с народно-разговорным языком тюрков Малой Азии.

II. История турецкого письменно-литературного языка прошла следующие этапы развития.

1. Раннетурецкий язык (конец XV—XVI в.), или раннеосманский период развития турецкого письменно-литературного языка, характеризуется усложнением анатолийско-тюркского языка, выразившимся в усложнении синтаксиса, постепенными изменениями в области морфологии и возросшим использованием арабской и персидской лексики.

2. Среднетурецкий язык (XVII — начало XIX в.), или среднеосманский период развития турецкого письменно-литературного языка, характеризуется крайним усложнением (в особенности в области синтаксиса и лексики, дальнейшее развитие морфологии) письменно-литературного языка, его полным отрывом от народно-разговорного языка и даже устно-литературного языка и превращением его в своеобразный «классовый жаргон».

3. Новотурецкий язык (середина XIX — начало XX в.), или новоосманский период развития турецкого письменно-литературного языка, характеризуется борьбой нарождающейся турецкой буржуазии за создание турецкого национального языка.

4. Новейший турецкий язык (с 30-х годов XX в.) — новейший период развития турецкого письменно-литературного языка характеризуется организованной в государственном масштабе борьбой за очищение и упрощение турецкого литературного языка, за приближение его к народно-разговорному языку. Этот период развития турецкого литературного языка наполнен рядом противоречивых устремлений, однако все они или почти все сходятся на том, что литературный язык должен быть по возможности близким к народно-разговорному языку⁹⁹.

СОКРАЩЕНИЯ

- Адд — Автореферат докторской диссертации.
 ВДШ МИД СССР — Высшая дипломатическая школа Министерства иностранных дел СССР.
 ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». СПб.—Пг.
 КС ИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии». Москва.
 KSz — «Kéleti Szemle (Revue orientale)». Budapest.
 PhTF — «Philologiae Turcicae Fundamenta». 1. Wiesbaden, 1959; 2. Wiesbaden, 1964.
 TDAYB — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. Ankara.
 TDED — «Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi». Istanbul.
 UAJ — Ural-Altäische Jahrbücher». Wiesbaden.
 ТМ — «Türkiyat Mecmuası». Istanbul.

¹ О его подлинном имени см.: J. Deny (PhTF. 1, с. 182—185); N. A. Ergi. Osmanlı devletinin kurucusunun ismi meselesi.— ТМ, 7—8, с. 323—326.

² В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. — Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960, с. 48; М. Ф. К ö р г ü l ü. Les origines de l'empire ottoman. P., 1935, с. 50; Z. Korkmaz. Anadolu ağızlarının etnik yapı ile ilişki sorunu.— TDAYB. 1970, с. 21—32; немецкий перевод этой статьи см. там же, с. 33—46.

³ Подробнее см.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971, с. 53—73; Р. А. Гусейнов. Туркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье.— «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, с. 375—381.

⁴ М. Ф. К ö р г ü l ü. Les origines de l'empire ottoman, с. 50.

⁵ Там же, с. 53.

⁶ H. Vámbéry, Altosmanische Sprachstudien. Leiden, 1901, с. 30; В. Г. Гузев. Краткий обзор исследований по языку турков Малой Азии XIII—XVI вв.— «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, с. 73.

⁷ М. Mansuroğlu. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi.— TDED. 1951, 4, № 3, с. 215—229.

⁸ В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, с. 44.

⁹ Encyclopédie de l'Islâm. Т. 4, с. 989; В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии, с. 65.

¹⁰ Е. Э. Бертельс. Низами. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1948, с. 142.

¹¹ В. С. Гарбузова. Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование. М., 1959; В. Г. Гузев. Фонетика староанатолийского тюркского языка (по материалам Ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде»). Автореф. канд. дисс. Л., 1966; Irène Mëlikoff. La geste de Melik Dânişmend. Étude critique du Dânişmendnâme. Т. 1. Introduction et traduction. P., 1960; Т. 2. Edition critique avec glossaire et index. P., 1960.

¹² О «неотразимом влиянии персидской суфийской поэзии Джемшаддина на турецкую» см.: А. Е. Крымский. История Турции и ее литературы. Т. 1. М., 1916, с. 258 и сл.

¹³ См.: Н. Н. Мартинович. Новый сборник стихов Джемшаддина Руми и Султан-Веледа.— ЗВОРАО. Т. 24. Вып. 1—4. Пг., 1917, с. 205—232 (тюркские стихи Джемшаддина см. с. 210—217; тюркские стихи Султана Веледа см. с. 217—221); A. Gökrınarlı. Mevlâna Celâleddin hayati, felsefesi, eserleri, eserlerinden seçmeler. Istanbul. 6, 1951; M. S. Yalıtka ya. Mevlâna'daki

Türkçe kelimeler ve Türkçe şiirler.— ТМ, 4, 1938, с. 111—168; М. Середдин. Mevlâna'da Türkçe kelimeler ve Türkçe şiirler. İstanbul, 1934; см. также работы М. Мансуроглу (М. Мансуроглу): Calâleddin Rûmî's türkische Verse.— УАУ, 24, № 3—4, 1952, с. 106—115; Mevlâna Celâleddin Rûmî'de Türkçe beyit ve ibareler.— ТДАУВ, 1954, с. 207—220. См. также: «Oriens». Vol. 13—14, 1961, с. 342 и сл.

¹⁴ М. Мансуроглу. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, с. 216.

¹⁵ W. Radloff. Über alttürkische Dialekte. 1. Die seldschukische Verse im Rebâb-nâme. — «Mélanges Asiatiques». Т. 10. Livraison 1. СПб., 1890, с. 73, бейт 91; см. также: М. Мансуроглу. Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri. İstanbul, 1958, бейт 97; Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, с. 216, PhTF, 2, с. 459—460.

¹⁶ W. Radloff. Über alttürkische Dialekte; C. Salemann. Noch einmal die seldschukischen Verse.— «Mélanges Asiatiques». Т. 10. Livraison 2. СПб., 1894. Библиографию «сельджукских стихов» см.: А. Е. Крымский. История Турции, с. 262; S. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda.— «Pzegląd Orientalistyczny». Warszawa, 1962, № 1, с. 3—17; работы М. Мансуроглу, упомянутые в прим. 15.

¹⁷ М. Мансуроглу. Das Altosmanische.— PhTF, 1, с. 161; М. Ergin. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962, с. 15; А. Dilâçar. Türk diline genel bir bakış. Ankara, 1964, с. 137; Z. Korkmaz. Selçuklular çağı Türkçenin genel yapısı.— ТДАУВ, 1972, с. 17; А. Караманлиоглу. Türk dili nereden geliyor, nereye gidiyor. İstanbul, 1972, с. 82.

¹⁸ См. работы Ф. К. Тимурташа (F. K. Timurtaş): Şeyhî be çağdaşlarının eserleri üzerinde gramer araştırmaları. 1. Sesbilgisi.— ТДАУВ, 1960, с. 96; 2. Şekilbilgisi.— ТДАУВ, 1961, с. 53—136; Küçük Eski Anadolu Türkçesi grameri.— ТМ, 1973—1975. İstanbul, 1976, с. 331—368.

¹⁹ Y. Németh. Osmanlı Türk dili tarihi araştırmalarının yeni yolları.— «VIII. Türk dil kurultayında okunan bilimsel bildiriler. 1957». Ankara, 1960, с. 1—14.

²⁰ Мансуроглу. Ahmed Fakih. İstanbul, 1956; Z. Korkmaz. Selçuklular çağı Türkçenin genel yapısı, с. 59.

²¹ См. работы М. Мансуроглу: Anadolu metinleri. XIII. asır. 1. Şeyyad Hamza. II. Dehhanî. III. İbtidaname.— ТМ, 7—8, с. 95—104. Anadolu Türkçesi. XIII. asır Şeyyad Hamza'ya ait üç manzume.— ТDED, 1946, 1, № 3, с. 180—195; Anadolu'da Türk ve edebiyatının ilk mahsulleri.— Там же. Т. 1, № 1, с. 9—17; Anadolu Türkçesi. XIII. asır Dehhanî ve manzumeleri. İstanbul, 1947; Anadolu Türkçesi. XIII. yüzyıl. Şeyyad Hamza'nın Doğu Türkçesi ile karışık bir manzumesi.— «Türk Dili». Seri 3, № 8—9. Ankara, 1947, с. 16—29; Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi.— ТDED, 1951, IV, № 3, с. 216—229; Drei Gedichte Şayyad Hamza.— УАУ, Bd 26, 1954, с. 78—89. См. также: Z. Korkmaz. Sadru'd-din Şeyhoğlu. Marzubân-nâme tercümesi. Ankara, 1973, с. 57—66 (превосходная библиография). [Далее Z. Korkmaz].

²² К. Броккельман, как известно, считал это сочинение старейшим предшественником османской литературы; А. Н. Самойлович называл его первым сочинением среднеазиатской туркменской литературы; А. Джефероглу определял это сочинение как западнотуркестанское ответвление общего среднеазиатско-тюркского литературного языка; Э. Н. Наджип представляет это сочинение как произведение хорезмско-огузского языка.

²³ Z. Korkmaz, с. 11—66. Z. Kleinmichel. Das Marzubanname.— «Altaistica». Jg. 18. H. 3. Berlin, 1969, с. 519—534; J. Németh. Zur Kenntnis der Mischsprachen (Das doppelte Sprachsystem des Osmanischen).— «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», III. Budapest, 1953, с. 159—199; G. Doerfer. Das Vorosmanische (Die Entwicklung der oghusischen Sprachen von den Orchoninschriften bis zu Sultan Veled).— ТДАУВ, 1975—1976, с. 81—131.

²⁴ Z. Korkmaz, с. 17; Şinasi Tekin. 1343 tarihli bir eski Anadolu Türkçesi metni ve Türk dili tarihinde olga-bolga sorunu.— TDAYB. 1973—1974, с. 59—157.

²⁵ P. M. Моллов. Юнус Эмре.— ҚСІНА. 60. 1962, с. 3—11; A. Gökripınarlı. Yunus Emre (Hayatı, sanatı, şiirleri). Beşinci basılış, İstanbul, 1963; он же. Yunus Emre. Risalat al-Nushiyya ve Divan. İstanbul, 1965; Z. Korkmaz. Yunus Emre ve Anadolu Türkçenin kuruluşundaki yeri.— «Türkoloji Dergisi». Ankara, 1973, 5, № 1, с. 13—19; Z. Korkmaz, с. 62—63; J. Ciopiński. Le traité de Bons conseils de Junus Emre. I. Traduction et remarques.— «Folia Orientalia». Т. 27. 1976, с. 117—140; М. Т. Асароğlu. Junus Emre için bir bibliyografya denemesi.— «Kitap». Belleten № 4(28). Ekim. 1963, с. 8—10.

²⁶ В. С. Гарбузова. Поэты средневековой Турции. Л., 1963, с. 54—59.

²⁷ A. S. Levend. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri. Üçüncü baskı. Ankara, 1972 [Далее А. S. Levend].

²⁸ Ср. у В. Д. Смирнова: аştazdı. См.: В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903, с. 431.

²⁹ M. Mansuroğlu. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, с. 216.

³⁰ Подробнее см.: W. Björkman. Die altosmanische Literatur.— PhTF. 2, с. 415—426.

³¹ Мухаррем Эргин, посвятивший языку Бурханеддина специальную статью, подтверждает давно известное положение об азербайджанском по своим основным признакам языке произведений этого поэта (Muharrem Ergin. Kadı Burhaneddin divanı üzerinde bir gramer denemesi.— TDED. 1951, 4. № 3, с. 287).

³² A. Dilâçar. Türk lehçelerinin meydana gelişinde genel temayüllerin koyulması ve körlenmesi.— TDAYB. 1957, с. 84—85.

³³ A. S. Levend, с. 47—51; M. Mansuroğlu. Das Altosmanische, с. 163—179; Z. Korkmaz, с. 19, 24—32.

³⁴ См.: M. Mansuroğlu. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi, с. 220—229.

³⁵ Там же; G. Doerfer. Das Vorosmanische — TDAYB. 1975—1976, с. 110—131.

³⁶ В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы.— Всеобщая история литературы. Под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова. Т. 4. СПб., 1892, с. 457.

³⁷ А. Е. Крымский. История Турции, с. 250.

³⁸ В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы, с. 458.

³⁹ «Osmanlı İmparatorluğunun kurulduğu zamandan beri, saray, medrese, tekke ve yeniçeri ocağı türlü çevreler meydana gelmişti. Sarayla medrese klasik edebiyatın gelişmesini desteklerken tekke, kendine özgü edebiyatı meydana getiriyor, yeniçeri ocağı ise halk edebiyatını sürdürmeğe çalışıyordu. Tekke edebiyatı ile halk edebiyatının dili Türkçe idi. Klasik edebiyatın dili ise Arapça ve Farsçanın etkisi altında büsbütün başka bir yol güden yapma bir dildi. Bu dil, XIV yüzyıldan sonra konuşma dilinden büsbütün ayrıldı. O kadar ki, yalnız Türkçeyi değil, Arapça ve Farsçayı iyi bilenler bile onu doğru okumak ve kolaуca anlamakta güçlük çektiler» (A. S. Levend, с. 12). («Начиная со времени создания Османской империи [в Турции] возникли различные [социальные] круги: [султанский] двор, медресе [мусульманские школы], текке [обитатели дервишей] и янычарский корпус. В то время как двор и медресе поддерживали развитие классической литературы, текке создавали для себя особую литературу, янычарский же корпус стремился поощрять народную литературу. Языком литературы текке и литературы для народа был турецкий язык. Языком же классической литературы был искусственный язык, развивающийся — под влиянием арабского и персидского языков — совершенно особым путем. Этот язык после XIV столетия совершенно отделился от разговорного языка.

Настолько [отделился], что даже хорошо знающие не только турецкий, но и арабский и персидский языки испытывали затруднения, [если желали] правильно читать и достаточно легко понимать [написанное] на этом языке»).

⁴⁰ М. Ф. Кӧргүлүзаде. XVI-ncı asır sonuna kadar Türk sazşairleri İstanbul, 1930.

⁴¹ О них см.: А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, с. 9—15.

⁴² См.: İz. Fahîr. Eski Türk edebiyatında nesir. XIV. yüzyıldan XIX. yüzyıl ortasına kadar yazmalardan seçilmiş metinler. İstanbul, 1964.

⁴³ А. S. Levend, с. 76—79; Âtsiz. XVI-ncı asır şairlerinden Edirneli Nazmî'nin eseri ve bu eserin Türk dili ve kultur bakımından ehemmiyeti. İstanbul, 1934.

⁴⁴ Янычары целиком состояли из христиан. Об ассимиляции турками части местного населения Анатолии и Балкан см.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 142—149.

⁴⁵ Э. А. Грунина. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). Адд. М., 1975, с. 35.

⁴⁶ Там же, с. 37.

⁴⁷ Там же, с. 44.

⁴⁸ М. С. Михайлов. О форме на-(у)-ası в турецком языке.— Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 141—155.

⁴⁹ М. Ф. Кӧргүлү. Les origines de l'empire ottoman, с. 86.

⁵⁰ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1953, с. 122—126.

⁵¹ Э. А. Грунина. Индикатив в турецком языке, с. 37.

⁵² См.: А. Н. Самойлович. Абу-с-Саттар кази. Книга рассказов о битвах текинцев. СПб., 1914, с. 011; А. S. Levend, с. 51—67; M. Mansuroğlu. Das Altomanische, с. 162, § 21.

⁵³ Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 158.

⁵⁴ İsmail Habib. Tanzimattan beri. 1. Edebiyat Tarihi. Yeni ve kat'ı tabi. İstanbul, 1942, с. 211; А. S. Levend, с. 41.

⁵⁵ Y. K. Kağaoğlu. Yaban. İstanbul, 1942, с. 138.

⁵⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3, с. 427.

⁵⁷ А. Д. Новичев. История Турции. Т. 2. Новое время. Ч. 1 (1792—1839). Л., 1968, с. 99—179, 216—274; Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 160.

⁵⁸ А. Д. Новичев. История Турции. Т. 3. Новое время. Ч. 2. Изд. ЛГУ, 1973, с. 197—198.

⁵⁹ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение.— Полное собрание сочинений. Т. 25, с. 258—259.

⁶⁰ N. Kaubaşı. Dilde Atatürkçü çağdaşlaşma.— «Türk Dili». 1977, Nisan, № 307, с. 375.

⁶¹ Подробнее см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М., 1, 1965.

⁶² В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы, с. 521.

⁶³ Там же, с. 521.

⁶⁴ См.: İsmail Habib. Tanzimattan beri, с. 23.

⁶⁵ İbrahim Necmi (Dilmen). Türk dilinin son elli yıllık değişmelerine bir bakış.— «Yeni Türk Mecmuası». İstanbul, 1933, № 11—14, с. 1064.

⁶⁶ İsmail Habib. Tanzimattan beri, с. 19, 211.

⁶⁷ Этот тезис выдвинут Н. Кемалем, видимо, в связи с тем, что многие современные ему и особенно более ранние писатели, как, например, историки Васыф (ум. в 1806 г.), Мехмед Эс'ад (ум. в 1848 г.) и др., довели высокопарность стиля до абсурда, занимаясь искусственным созданием новых слов из арабских корней.

⁶⁸ А. S. Levend, с. 114.

⁶⁹ Подробнее см.: А. S. Levend, с. 115—142.

⁷⁰ Там же, с. 156.

⁷¹ Библиография турецких работ по грамматике и фонетике турецкого языка приведена в статье: A. Dilâçar. Gramer: tanımı, adı, kapsamı, türleri, yöntemi, eğitimdeki yeri ve tarihçesi.— TDAYB. 1971, с. 130—135, 138—143.

⁷² Л. О. Алькаева. Творчество Халида Зии Ушаклыгыля. М., 1958, с. 31; A. S. Levend, с. 194—198.

⁷³ İsmail Habib. Tanzimattan beri, с. 195.

⁷⁴ Там же, с. 215.

⁷⁵ Некоторые данные о возникновении этого движения и точка зрения (весьма умеренная) на понимание задач движения изложены: Necib Asım. Tasfiyecilik.— «Türk Yurdu». VIII.

⁷⁶ Raif Mehmed Fuad. Türk dilini sadeleştirmek mes'elesi.— «Türk Yurdu». V—VI.

⁷⁷ Подробнее см.: K. Foy. Der Purismus bei den Osmanen.— «Mittheilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin». 2. 1898, с. 20—55.

⁷⁸ История повторяется: эта практика получила небывалое распространение в Турции в 1934—1936 гг.

⁷⁹ İbrahim Necmi (Dilmen). Türk dilinin son elli yıllık değişmelerine bir bakış, с. 1068.

⁸⁰ О деятельности общества и содержании всех семи номеров органа этого общества, носившего то же название, см.: В. А. Гордлевский. Заметка о «Турецком собрании» в Константинополе.— Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962, с. 287—298; A. S. Levend, с. 300—304; J. Germanus. Osmanische Puristen.— KSZ. T. 11. Budapest, 1910, с. 40—57.

⁸¹ Так называлась статья, опубликованная в названном выше журнале, под которой вместо подписи стоял знак вопроса; однако известно, что эту статью написал Омер Сейфеттин. В последующих номерах журнала в качестве постоянной рубрики сохранилось название статьи Омера Сейфеттина. См.: A. S. Levend, с. 313—315; 330—336.

⁸² Подробнее см.: A. S. Levend, с. 320—330.

⁸³ Ziya Gökalp. Türkçülüğün esasları. İstanbul, 1921, с. 97 (араб. шрифт).

⁸⁴ Там же, с. 98.

⁸⁵ Там же, с. 98.

⁸⁶ A. S. Levend, с. 332.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, с. 331—332.

⁸⁹ Türk dil kurumunun 40 yılı. Ankara, 1972, с. 31; A. S. Levend, с. 153—162.

✓ ⁹⁰ См.: Türk dil kurumunun 40 yılı; A. S. Levend, с. 406—526.

✓ ⁹¹ Подробнее см.: A. S. Levend, с. 431—444; Е. Л. Гальперина. К вопросу об истории развития турецкого литературного языка. Период от 1928 до 1951 г.— ВДШ МИД СССР. 1952 (стеклограф. издание), с. 12—18.

⁹² Этим аффиксам посвящена серия статей, см. сб. «Dilbilgisi sorunları. II». Ankara, 1972, с. 46—108.

⁹³ См.: Е. Л. Гальперина. К вопросу об истории развития турецкого литературного языка, с. 8 и сл.; Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri. İstanbul, 1974, с. 158—204, 224—274.

⁹⁴ Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri, с. 216—221.

⁹⁵ М. Лабенцка-Кехерова. К изучению языка поэтических произведений Назыма Хикмета.— «Folia Orientalia». Т. 3. Kraków, 1962, № 1—2, с. 216.

⁹⁶ Л. Н. Старостов. «Языковая революция» в современной Турции.— Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970, с. 113—120; А. Н. Баскаков. Функциональная значимость инверсии в современном турецком предложении.— «Известия АН

СССР. Серия литературы и языка». 1972, № 4, с. 363—369; К. Асагла. Devrik cümle.— «Dilbilgisi Söğunları». Ankara, 1972, № 2, с. 251—257.

⁹⁷ До недавнего времени подобные конструкции встречались преимущественно в топонимике: *Кадикöу, Торкару* и т. п.; подробнее см.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, с. 94—95.

⁹⁸ Ср.: Т. Грунін. Этапи розвитку турецької літературної мови.— «Мовознавство». Київ, 1935, № 3—4, с. 113—135.

⁹⁹ Сердечно благодарю В. С. Гарбузову, прочитавшую статью в рукописи и сделавшую ряд полезных замечаний.